

Раз уж разговор зашёл об этом, пожалуй, пришло время представить Чжан Дуня.

В те дни, когда Чжао Цзи только вошёл на престол, этот человек оставался для него единственным ярким лучом надежды. Стоило молодому императору принять бразды правления, как он тут же обратил на старика самое пристальное внимание, при любом удобном случае исподтишка расспрашивая о нём окружающих. К тому же в памяти Чжао Цзи постепенно всплывали полузабытые, путанные исторические хроники из его прошлой жизни. Так что господин Чжан стал одним из первых обитателей этого дворца, чей образ обрёл в его глазах плоть и кровь.

Чжан Дунь занимал пост главного канцлера. Это был упрямый старик лет под шестьдесят, возглавлявший негласный расстрельный список вдовствующей императрицы Сян, которая спала и видела, как бы известить его. И он же был тем самым зачинателем Новых законов, ради спасения которого Чжао Цзи всю прошлую ночь ломал голову. Впрочем, этот чиновник не просто казался несговорчивым — он был им до мозга костей. Чжан Дунь давно отошёл от мирской суеты цзянху, но людская молва о нём не утихала.

Поговаривали, что, когда покойный император Чжэцзун призвал его обратно для проведения реформ, старик не упустил случая свести счёты с противниками из консервативного крыла. Кого разжаловал, кого отправил в изгнание — очистил двор подчистую. Среди тех, кого он вышвырнул из столицы, оказался даже его некогда близкий друг, великий поэт Су Ши.

Ходили слухи и о том, что во времена своего единоличного канцлерства он счёл безвременную кончину давнего соперника Сыма Гуана слишком лёгким наказанием. Чжан Дунь со всей серьёзностью подал прошение о том, чтобы раскопать могилу усопшего и осквернить его прах. Прежний государь тогда нешуточно испугался этого безумца и наотрез отказался подписывать указ.

Рассказали также, как ему колола глаза императорская женская обитель. Сговорившись с одним из евнухов, канцлер попытался обвинить Великую вдовствующую императрицу Гао и законную супругу государя в заговоре, вознамерившись одним махом избавиться от самых влиятельных женщин во дворце. Лишь благодаря тому, что тогдашний владыка, хоть и отличался мягким нравом, в принципиальных вопросах сохранял ясный ум и виртуозно умел сглаживать углы, планам неистового старца не суждено было сбыться. А иначе полетели бы головы и матери, и жены.

Этот загадочный, вечно ищущий бури старик со стороны казался коварным временщиком, мутившим воду у престола. И всё же грядущие поколения оценивали его труды скорее восторженно, нежели сурово. Ведь если закрыть глаза на дикую историю с раскопкой чужой могилы, продиктованную чистой злобой, в остальных поступках канцлера крылся глубокий смысл: он жил и дышал ради блага Великой Сун. Даже заговор против императрицы замыслился лишь потому, что венценосные дамы слишком рьяно перетягивали власть на свои семьи, протягивая жадные длани туда, куда соваться не следовало.

Упрямый, мстительный, мелочный, сующий нос в дела гарема и жаждущий сожрать любого, кто встанет у него на пути — Чжан Дунь умудрялся сочетать в себе образ кристально честного

радетеля за правое дело с характером на редкость невыносимым. Но именно эта несносность и стала для Чжао Цзи главным доводом в пользу того, чтобы прикрыть старика своим щитом.

Юный император едва взошёл на престол: власти у него не было никакой, трон под ним шатался, а сановники рвали страну на части, вытолкнув неопытного юнца на самый край бездны. К тому же в государственных делах Чжао Цзи смыслил мало. Стоило ему оступиться, и стервятники в чиновничьих халатах тут же вцепились бы ему в горло. Чтобы не допустить подобного, следовало на время уйти в тень.

Но как отвести от себя удар?

Ответ прост: подарить придворной своре общего врага.

Государю требовался живой щит — тот, кто примет на себя град стрел, отвлечёт внимание и первым ринется в бой. И на эту роль не было кандидата лучше, чем ненавистный каждому живому существу Чжан Дунь.

К тому же старик обладал поистине редкой деловой хваткой. Очередная интрига вдовствующей императрицы Сян, которая в сговоре с Цай Бянем продвигала Хань Чжуняня, дабы урезать полномочия канцлера, шилась белыми нитками. Чжао Цзи ещё в тот день, когда Чжан Дунь из кожи вон лез перед вдовствующей государыней, пытаясь помешать его восшествию на престол, твёрдо решил: этот неистовый реформатор станет его громоотводом, пока сам император не соберёт власть в кулак.

Император боялся безрассудной гибели Чжан Дуня едва ли не сильнее самого канцлера. Чжао Цзи ежедневно изнывал от тревоги, зная характер старика: тот привык решать дела напролом и плевать в лицо каждому несогласному. С таким нравом недолго и на плаху угодить. Последние два дня государь нарочно обходил его имя стороной, делая вид, будто знает не знает о том, как яростно канцлер протестовал против его кандидатуры перед коронацией. Он пропускал мимо ушей любые донесения и слухи. Но судьба — дама ироничная: сколько ни петляй, а уйти от встречи со старым упрямцем сегодня не удалось.

Мысли в голове императора неслись стремительным потоком, однако на лице его не дрогнул ни один мускул. То, что Чжан Дунь за спиной у государя требовал от чиновников отчёты по военным поселениям, при желании можно было трактовать по-разному. Посмотришь мягко — обычное самоуправство и злоупотребление казённым ресурсом. Глянешь строже — чистой воды государственная измена и подготовка к мятежу. Если Чжао Цзи сейчас прикажет начать расследование, делу неизбежно дадут самый суровый ход. Допустить этого было нельзя. Навет следовало отместить без промедления!

Схватив со стола свиток с каким-то пустяковым донесением, император с размаху запустил им прямо в голову Сюнь Ли.

— Господин Чжан занимает высший пост в государстве! — взревел он, разыгрывая неописуемый гнев. — С чего бы ему выпрашивать у тебя жалкий клочок пашни для военных

поселений?!

Выплеснув ярость, он опустил руку и незаметно размял затекшие колени. Разум лихорадочно искал лазейку: как и канцлера из-под удара увести, и докопаться до истины в делах области Цинчжоу.

Это было его первое серьёзное испытание у руля власти. Спасение канцлера — дело важное, но и Цинчжоу оставлять без внимания нельзя. Ради тысяч простых людей он обязан вывести, что там происходит на самом деле, отбросив лживые хвалебные оды местных чинуш, в которых правды не было и на грош.

На дворе стоял первый месяц года, и пассажи в донесениях про «поющих за окном весенних пичуг» явно были плодом чересчур буйной фантазии писарей. А вот затяжные дожди выдумать никто бы не решился — не тот повод для лести. В унылую пору ранней весны ливни, заморозки и паводок, сойдясь воедино, грозили обернуться катастрофой. Если власти Цинчжоу пустили всё на самотёк, жертв не избежать. Если же местная клика покрывает друг друга, замалчивая масштабы бедствия, то это уже неприкрытое, хладнокровное убийство подданных.

В сумеречные годы Северной Сун народные бунты вспыхивали то тут, то там, почти не утихая. Основу повстанческих отрядов составляли голодные крестьяне, доведённые до крайности. Из-за того что эти мятежи происходили постоянно и редко выливались во что-то серьёзное, летописцы обходили их молчанием, уделяя внимание лишь тем восстаниям, что едва не сокрушили династию. Однако отсутствие записей в хрониках не означало, что крови не было вовсе. Чжао Цзи искренне страшился гибели мирных жителей на землях Шаньдуна и больше всего боялся, что отчаявшийся люд поднимет бунт.

И боялся он не за свою коронованную голову, а за судьбы самих мятежников. Его трон сейчас стоял прочно, и если несчастные крестьяне решатся на бунт, карательные отряды вырежут их под корень. Меньше всего ему хотелось, едва устроив царственную плоть на престоле, принять на душу груз из тысяч невинно убиенных душ. От такого греха и жизнь укоротится.

Сюнь Ли погрузился в тревожное молчание. Чжао Цзи, прищурившись, лениво разглядывал распростёртую перед ним фигуру министра. План действий уже сложился в его голове. Заметив, что сановник медлит с ответом, император внезапно понизил голос до угрожающего шёпота:

— Говори!

Новый владыка занял престол, и хотя на поверхности качалась тихая гладь, в глубинах двора бушевали тёмные течения. Величие и наглость Чжан Дуня переходили все границы. Слабые заискивали перед ним, ища покровительства, но те, кто потоньше улавливал потаённые чаяния вдовствующей императрицы Сян и люто ненавидел канцлера, исподтишка рыли ему яму. Сюнь Ли принадлежал именно к этой породе завистников, оттого и состряпал столь гнусный, благообразный навет.

Кто же мог предугадать, что в гневе государя прозвучит заступничество за старого смутьяна? Сюнь Ли не на шутку растерялся, и страх сковал его сердце. Прежде чем он успел совладать с мыслями, над его головой грохнул императорский окрик. Разум министра опустел, и все его помыслы свелись к одному — любой ценой отвести от себя беду. Не помня себя от ужаса, он выпалил:

— Ваше Величество! Если угодно знать истинное положение дел в Цинчжоу... Помощник правителя этой области сейчас как раз находится в столице!

Чжао Цзи мысленно перебрал крупницы знаний, почерпнутых из отчётов за последние дни.

«Помощник правителя — тунпань. Младший чин в управе области. В его ведении находятся плотины, пашни, подвоз зерна и суды»

Что ж, уловка трусливого министра вполне устраивала государя. Повернувшись к юному евнуху, который от страха распластался на полу рядом с министром, император приказал:

— Ступай. Живо приведи ко мне помощника правителя Цинчжоу!

Вскоре под присмотром слуги в зал торопливым, семенящим шагом вошёл мужчина средних лет. Не дав ему даже толком поклониться, Чжао Цзи сыграл не на жизнь, а на смерть, изобразив крайнюю степень ярости. Он обрушил на гостя лавину показного гнева:

— Дерзкие твари! — прогремел его голос под сводами зала. — Вы вздумали скрыть от Нас потоп и бедствия в Цинчжоу?! Сколько ещё вы собирались молчать?!

Несчастный чиновник не ожидал столь яростного приёма. Обомлев от страха, он со стуком упал на колени. Чжао Цзи не сводил с него глаз, подмечая малейшие изменения на его лице. Да, панический испуг присутствовал, но сквозь него явственно проступало глубокое недоумение. Император на миг засомневался — неужели он сам где-то просчитался?

В этот момент коленопреклонённый гость заговорил:

— Помилуйте, Ваше Величество! В Цинчжоу действительно лили дожди и реки вышли из берегов, однако беда не столь велика, как вам донесли.

Уловка не сработала, но и лжи в поведении чиновника не угадывалось. Чжао Цзи, колеблясь между сомнением и верой, холодно прищурился:

— Объяснись.

— Перед тем как ваш покорный слуга отправился в столицу с докладом, в Цинчжоу вовсю

бушевала непогода, — поспешно заговорил чиновник. — Однако великие реки ещё скованы льдом. Потоки небесной влаги лишь укрепили ледяной панцирь на руслах. За исключением пары низин у самого устья, пашни не пострадали. К тому же господин Чэнь уже распорядился нанять местных жителей для расширения речных протоков в тех уездах, где ливни лили особенно неистово. Когда лёд тронется, вода уйдёт, не причинив вреда.

Чжао Цзи удивлённо приподнял бровь. Надо же, этот льстец Чэнь Нянь, способный источать лишь сладкие речи, на деле оказался неглупым управителем, применившим верные меры. Император мысленно сделал пометку: если дознание подтвердит эти слова, чинуша заслужит прощение. Если же это обман — что ж, шила в мешке не утаишь, при малейшей проверке ложь выплывет наружу.

Временно отложив дело Цинчжоу в сторону, император повернулся к министру:

— Довольно. Сюнь Ли, ты можешь идти. И пусть сегодняшний день послужит тебе уроком. Впредь любые дела, какими бы незначительными они ни казались, если они касаются благополучия государства, должны ложиться на Мой стол.

Дрожащий от пережитого страха Сюнь Ли попятился к выходу. Заметив, каким мертвенно-бледным стало лицо министра, Чжао Цзи вдруг похолодел.

«Постойте... Кажется, я натворил глупостей»

Император погрузился в безмолвное раскаяние. Им овладела чрезмерная поспешность: желая во что бы то ни стало выбить из чиновников правду, он совершенно позабыл об осторожности. Его тщательно выстроенная маска бездельника дала глубокую трещину!

Судя по искажённому лицу Сюнь Ли, уже к вечеру вся его клика будет шептаться о случившемся. А дня через три о грозном допросе заговорит весь Кайфэн! Поведение в духе «заметить намёк на наводнение в поэтическом отчёте, вызвать министра общественных работ на ковёр и устроить ему разнос» никоим образом не вязалось с образом беспечного вана Дуаня. Окружающие неизбежно заподозрят неладное.

От этой мысли кровь отлила от лица самого Чжао Цзи. Конечно, никто не связывал его по рукам и ногам, требуя вечно притворяться прежним распутником Чжао Цзи, но столь резкое преобразование в эпоху дремучих суеверий могло навести проницательных людей на весьма жуткие мысли.

Если уж и менять привычки, то постепенно, капля за каплей, а не устраивать переворот в умах за одну ночь. Конечно, можно было попытаться выставить всё так, будто он долгие годы искусно скрывал свой острый ум под маской праздности. Но Чжао Цзи трезво оценивал собственные силы: играть роль умудрённого опытом, коварного интригана он не умел. Попытка изобразить героя, что безмолвно «точил меч во тьме», почти наверняка закончилась бы позорным провалом.

Вечно притворяться прежним взбалмошным царедворцем он не мог — рано или поздно настоящие взгляды и помыслы должны были проявиться. Но торопливость губительна. Иначе чжурчжэни ещё не успеют перевалить через северные рубежи, а его уже свяжут и поволокут на костёр бдительные ревнители традиций, сочтя восставшим из могилы злым духом. Судя по перепуганному виду Сюнь Ли, худшие подозрения уже зародились в его голове.

Какая оплошность! Как теперь спасти положение?

Размышляя, Чжао Цзи скользнул взглядом по оставшемуся в зале чиновнику средних лет. Он уже собирался прогнать его взмахом руки, как вдруг поймал себя на мысли, что лицо этого человека кажется смутно знакомым. Ведомый непонятным предчувствием, император обронил:

— Как твоё имя?

Гость вновь склонился до самого пола:

— Ничтожный слуга Вашего Величества, помощник правителя Цинчжоу — Чжан Чжэнь.

Опасаясь, что воображение разыгралось не на шутку, государь осторожно уточнил:

— Каким иероглифом пишется твоё родовое имя?

К его изумлению, этот Чжан Чжэнь действительно оказался выходцем из боковой ветви клана могущественного канцлера Чжан Дуня. Глядя на склонённую голову застывшего перед ним чиновника, император вдруг ощутил, как в его сознании вспыхнула безумная, дерзкая мысль.

Чжао Цзи повернулся к слуге:

— Канцлер Чжан ещё не покинул дворец?

— Господин Чжан по-прежнему во внутренних покоях, — отозвался евнух.

— Попроси его вернуться.

«Снова?» — евнух совершенно растерялся, мысленно подивившись такому капризу повелителя.

«Снова?» — повторил про себя Чжан Чжэнь. В его глазах отразилась глубокая сосредоточенность.

Поскольку канцлер не успел уйти далеко, прибыл он в считанные мгновения. Чжао Цзи

тщательно рассчитал время и отослал Чжан Чжэня как раз в тот миг, когда у дверей показалась мощная фигура Чжан Дуня. Родственники столкнулись на пороге. Старик с первого взгляда узнал племянника и немало удивился: почему этот юнец, который должен был мирно отдыхать после доклада о делах службы, отирается у императорского кабинета?

Когда канцлер переступил порог, Чжао Цзи без лишних предисловий перешёл к делу:

— В Цинчжоу едва не случилась страшная беда из-за паводка. Однако министр общественных работ Сюнь Ли уверяет, будто ведать не ведал о грозящей катастрофе, поскольку все его силы уходили на сбор сведений о военных пашнях, затребованных вами, господин канцлер.

Старый министр при всей своей прямолинейности сорок лет провёл среди дворцовых волков. Намёк он уловил мгновенно, и ярость его вспыхнула, как сухая солома. Чжао Цзи высказался кратко, но Чжан Дунь прекрасно знал, какую должность занимает его племянник Чжан Чжэнь. Перед мысленным взором канцлера мгновенно сложилась вся картина: в Цинчжоу случилось несчастье, парень бросился в столицу с докладом, а ленивая тварь Сюнь Ли мало того что проглядела беду, так ещё и прикрылась им, канцлером, выставив его виновником собственной халатности! Да какому дураку этот паршивый министр надеется скормить сказку о том, будто учёт земель отнял у целого ведомства все силы без остатка?!

Впрочем, сейчас канцлеру следовало тревожиться не о наказании подлеца Сюнь Ли, а о собственной шкуре. Не закрадутся ли в умы молодого императора и вдовствующей владычицы опасные подозрения? Вся земля в подлунном мире принадлежит государю, так с чего бы первому министру втайне составлять реестры военных поселений? И кто дал ему право по собственному произволу помыкать государственными чинами ради личных целей? Всё это теперь лежало перед правителем как на ладони.

Следующие слова Чжао Цзи ударили в цель без промаха:

— Скажите, господин Чжан, для каких нужд вам потребовалось собирать сведения о пашнях столичного округа?

По спине старика покатился холодный пот. Преклонив колени, он глухо вымолвил:

— Владыка... Ваш верный слуга замышлял начать со столицы великую перепись земель, дабы упорядочить взимание налогов с каждого му пашни.

Канцлер умолчал об истинной подоплёке, но Чжао Цзи и без слов всё понял — старик пытался проташить очередную реформу Новых законов. Этот фанатичный реформатор пёкся о казне, а не о личном кармане.

Конечно, раскрывать карты император не собирался: старый упрямец подходил на роль верного орудия как никто другой. Выслушав ответ, государь лишь невнятно обронил:

— Вот как?..

Этот короткий вздох заставил сердце канцлера замереть. Он осознал, что отныне его судьба висит на волоске, который крепко держит в руке молодой повелитель. Подвесив паузу, Чжао Цзи внезапно сменил тему, отпустив натянутую тетиву:

— Пусть беда в Цинчжоу миновала, но поступок Сюнь Ли вскрыл куда более глубокую язву.

Канцлер хранил молчание. Тот государь, что восседал перед ним сейчас, не имел ничего общего с легкомысленным ваном Дуанем. В душе Чжан Дуня зашевелились смутные сомнения.

«Неужели подлинное лицо повелителя доселе скрывалось под личиной глупости? Неужели все эти годы он лишь притворялся шутом, выжидая своего часа?»

Дабы не разрушить спасительный образ чудака, Чжао Цзи ни единым жестом не выдал волнения. Он капризно надул губы и выдал:

— Отсюда со всей очевидностью явствует, сколь пагубно для чиновника отсутствие утончённого вкуса и понимания прекрасного! Дабы впредь подобные недоразумения не повторялись, Мы желаем, чтобы вы, господин Чжан, устроили для подданных испытание. Пусть каждый чиновник представит Нам свиток с пейзажем, живописующим красоты его родного края. Мы самолично оценим изящество мазков и глубину замысла, и лучший рисовальщик получит награду!

Чжан Дунь лишился дара речи.

«И всё же перед мылом великого ума не сваришь... Наш повелитель остался прежним взбалмошным гулякой ваном Дуанем!»

Какое ещё «испытание»?! Ему просто захотелось заставить почтенных мужей пачкать руки тушью ради забавы!

— Ваше Величество, сие недопустимо, — наотрез отказался канцлер.

Чжао Цзи сердито фыркнул:

— Ну и чего же вы тогда хотите? Чтобы Мы заставили их сдавать экзамен по Уложению Великой Сун?!

Канцлер уже открыл было рот, дабы разнести в пух и прах нелепую монаршую прихоть, но осёкся. Вспомнив, как безнадёжно далеки столичные чинуши от истинного знания «Уложения Великой Сун», он поражённо выдохнул:

— А ведь это великолепная мысль!

Притворство государя грешило изъятиями, но слава бездельника и гуляки так прочно закрепилась за ним, что излишне самоуверенный канцлер даже не заподозрил подвоха. Старик свято верил собственным глазам и потому послушно шагнул прямо в расставленные сети.

Поняв, что верный помощник заглотил наживку, Чжао Цзи вошёл во вкус. Безрассудная слава вана Дуаня служила ему лучшим щитом, и канцлер послушно кивал на любые, даже самые дикие предложения. Пользуясь этим, император принялся сыпать безумными идеями, щедро приправляя их методами из своей прошлой жизни. Он без зазрения совести черпал вдохновение из кошмаров современных китайских школьников и соискателей чиновничьих мест, предлагая издевательские новшества одно изощрённее другого.

К примеру, знание «Уложения Великой Сун» должно стать обязательным для каждого без исключения. Чиновники обязаны заучить этот талмуд наизусть и без запинки воспроизвести по памяти на бумаге. Ошибся хоть в одной черте иероглифа — лишаешься баллов.

Или ввести особые вопросы для каждого ведомства. Министерство общественных работ пусть отвечает за плотины и каналы, Министерство чинов — за каноны управления, а Министерство доходов пусть бьётся над сложнейшими бухгалтерскими расчётами. В конце концов, негоже государственным служащим проедать казённый хлеб, не имея представления о делах собственного министерства!

И уж совсем небывалое кощунство — связать результаты экзаменов с жалованием. Успешно сдавших — осыпать наградами и прибавкой к жалованию, а бездарей мало того что предать позору, так ещё и лишить содержания, заставив выплачивать штрафы из личного кармана!

Государь искусно направлял беседу намёками, а канцлер, отсеивая явную чепуху, облакал императорские фантазии в строгую форму законов. И невдомёк ему было, что именно к этим разумным решениям Чжао Цзи его и подводил. Не забыл правитель упомянуть и о главном:

— Коль скоро Мы затеваем столь великое дело, поблажек и кумовства быть не должно. Сжуйничаетесь — заплатитесь головой.

— Разумеется, Ваше Величество, — сурово подтвердил Чжан Дунь.

— В таком случае, — продолжил Чжао Цзи, — следует тайно отобрать самых толковых писцов и знатоков из всех шести министерств, запереть их в уединённой усадьбе и заставить трудиться над вопросами. И не выпускать наружу, пока последний ученик не сдаст свой лист.

— Мудро, — кивнул канцлер.

— А кто станет проверять работы? Неужто сами чиновники? Ни в коем случае! — император

увлечённо рассуждал сам с собой. — В день проверки Мы бросим жребий среди юношей из Императорской академии, приведём их в ту же усадьбу и заставим проверять листы. Имена авторов на работах, конечно же, заклеить плотной бумагой, как на императорских экзаменах, чтобы никто не знал, чью работу держит в руках.

Чжан Дунь лишь безмолвно таращил глаза, не в силах вымолвить ни слова от столь изошрённой строгости.

— И передайте этим господам, — веско добавил Чжао Цзи, — баллы важны, но честь дороже. Лучше получить круглый ноль, нежели опуститься до обмана. Если поймаем кого на списывании или подмене — лишим чина без права возвращения на службу.

— Не слишком ли сурово, государь? — засомневался старик. — Двор может взбунтоваться против такого принуждения.

Но император лишь удивлённо вскинул брови:

— Разве честный муж учится ради того, чтобы воровать чужие мысли? Чиновник поставлен над народом, дабы нести ему благо. Если он крадёт на экзамене, как подданные могут доверить ему свои жизни?

У Чжан Дуня перехватило дыхание. Возразить на это было решительно нечего.

Будучи ярым сторонником Новых законов, канцлер быстро разглядел драгоценное зерно истины под шелухой безумных монарших затей. Главным проклятием нынешней империи оставалось непомерно раздутое чиновничье сословие. Едва эта безжалостная, изнуряющая повинность обрушится на придворных, первыми под удар попадут вовсе не талантливые мужи, заслужившие свои звания честным трудом, а бесполезные прихлебатели, пристроенные на тёплые местечки влиятельными кланами. Бесконечные экзамены без надежды на избавление, угроза лишиться жалования да ещё и публичный позор за плохие ответы — такое испытание быстро отвадит праздных бездельников от государственной службы.

Но чтобы эта затея сработала, во главе её должен был встать человек с железной волей, способный подавить любое сопротивление столичной знати. Промучившись сомнениями всю ночь, Чжан Дунь принял решение и вызвался лично возглавить Палату экзаменов, взяв на себя всю полноту ответственности.

Чжао Цзи, проявив изрядное коварство, выговорил себе право лично составить часть вопросов. Уж он-то позаботится о том, чтобы сунские чинуши сполна познали прелесть тех трёх священных кругов ада, сквозь которые проходят современные китайские мученики — выпускные, вступительные и чиновничьи экзамены. Так тяжелейшее бремя ответственности за эту авантюру легло на плечи ничего не подозревающего канцлера.

Для Чжан Чжэня всё выглядело так, будто за сегодняшними капризами государя незримо

высилась фигура его грозного дяди-канцлера. И пусть в глазах Сюнь Ли молодой император внезапно обрёл пугающее величие, это было полбеды. Своим указом Чжао Цзи временно запретил помощнику правителя покидать столицу. Пока Чжан Чжэнь оставался в Кайфэне, у Сюнь Ли и прочих напуганных придворных сохранялась надежда разузнать, на чью же шею в итоге водрузили эту тяжкую ношу.

Как бы там ни было, а вдовствующая императрица Сян пребывала в превосходном расположении духа. Радость её была столь велика, что она даже не заметила странных перемен, исподвыли происходивших с её царственным приёмным сыном. А всё потому, что ненавистный ей Чжан Дунь наконец-то получил по заслугам. Вдовствующая госпожа презирала этого упрямого старика до глубины души.

Ещё свежа была в памяти история, как канцлер снюхался с дворцовыми евнухами и покусился на святое — вознамерился низложить императрицу и саму вдовствующую госпожу. А когда покойный Чжэцзун лежал на смертном одре, Чжан Дунь посреди ночи ворвался во дворец и преградил путь императрице Сян, требуя возвести на престол цзянь-вана Чжао Сы. То, что она с таким упорством продвигала кандидатуру Чжао Цзи, во многом объяснялось желанием сделать всё наперекор ненавистному министру.

Старая государыня давно страдала слабостью зрения и терпеть не могла корпеть над государственными бумагами. Она продолжала править из-за занавеса лишь ради трёх целей: возвысить свой род Сян, потихоньку очистить двор от сторонников реформ и скovyрнуть Чжан Дуня. И надо же! Стоило ей лишь приблизить к себе Хань Чжуняня, как канцлера убрали с дороги без её участия! Поистине великий день для всей Поднебесной! Старушка от радости за ужином съела лишнюю пиалу риса.

Формально Чжан Дунь оставался главным канцлером, но император учредил некую Палату экзаменов, набрав туда людей из всех министерств. Всю эту компанию во главе со стариком заперли во внутреннем дворе под предлогом составления вопросов, и с тех пор их никто не видел.

Без ворчливого канцлера на утренних приёмах дышать придворным стало заметно легче — казалось, даже небо над столицей прояснилось.

В усадьбе Палаты экзаменов запертый Чжан Дунь, предвкушая грядущую расправу над неучами, позабыл о ноющих суставах и старческой немощи.

А во дворце Чжао Цзи, воображая, как спесивые сановники станут рыдать над его экзаменационными листами, блаженствовал. Боль в груди от глупых чиновничьих донесений бесследно утихла, и он с лёгким сердцем отправился медитировать, скрестив ноги.

Спустя несколько дней, рассудив, что время пришло, Чжао Цзи через своего зятя Ван Шэня сошёлся с Сян Чунем. Этот молодой человек приходился братом прелестной Сян Ваньэр и пользовался особой благосклонностью вдовствующей императрицы. Государь как бы невзначай показал новому приятелю первые наброски экзаменационных вопросов с готовыми решениями,

состряпанные Чжан Дунем. Сделано это было наполовину ради хвастовства, наполовину для приманки, а попутно император раскрыл планы грядущего испытания.

Сян Чунь хоть и славился столичным повесой, дураком отнюдь не был. А если бы и был — его умудрённый опытом отец быстро расставил бы всё по местам. На следующее же утро нарядные носилки унесли Сян Ванъэр во дворец к тётушке.

Уже после полудня разгневанная государыня призвала Чжао Цзи к себе. Тот без зазрения совести свалил всю вину на томящегося в неволе канцлера. Лицо юноши выражало чистейшую, младенческую глупость.

«Я ничего не смыслю в государственных делах, я лишь несчастная марионетка, умеющая только пировать да играть в кости»

Отыграв шутовское представление, он с глубоким поклоном протянул вдовствующей госпоже заветный свиток с вопросами. Стоило Сян принять бумагу, как Чжао Цзи понял — гроза миновала, уловка удалась.

Участники этой драмы преследовали собственные цели, надеясь пустить кровь соперникам под предлогом всеобщей проверки. Чжан Дунь жаждал изгнать из столицы никчёмных бездельников и консерваторов. Государыня Сян мечтала вычистить приверженцев реформ. Сам же Чжао Цзи лишь искусно притворялся послушным орудием в их руках. Видя перед собой безвольного дурачка, обе фракции с радостью ухватились за возможность провести испытание, надеясь обернуть его себе на пользу.

Юный император смотрел на мир куда более трезво, нежели упрямый канцлер. С самого начала он метил вовсе не в столпы великих семейств, а в их многочисленных дальних родственников, присосавшихся к государственной кормушке. Влиятельные кланы жаждали протащить наверх своих любимчиков, что неизбежно требовало подтасовки результатов. Однако, дабы не вызвать подозрений у соперников, им придётся пожертвовать пешками — обделить должностями дальнюю родню, пустив её под нож ради спасения главных фигур.

Это уберегло бы Чжан Дуня от неминуемой гибели. На первый взгляд, Палата экзаменов казалась грозным и влиятельным ведомством. Но приглядевшись, любой проницательный муж понял бы: эта должность сулила лишь ненависть со стороны обиженных чиновников и не давала никакой реальной власти.

Экзаменаторы на столичных испытаниях получали преданных учеников среди тех, кто успешно сдавал испытания, сколачивая собственную фракцию. Здесь же приходилось иметь дело с мужами, уже имевшими чины. Никакой преданности, никакого почтения младших к старшим ждать не приходилось. Обычная рутина: составить билеты, оценить ответы, выставить баллы. И больше ничего.

Пожалуй, это было всё, что Чжао Цзи сумел придумать на первое время. Замысел не отличался безупречностью, в нём хватало брешей. Но император сделал всё, что было в его силах. До

начала первых экзаменов оставались считанные дни, и никто не взялся бы предсказать, куда качнётся маятник судьбы.

Он сделал всё, что мог, и теперь оставалось лишь положиться на волю Небес.

<http://bllate.org/book/18987/1871212>